

Олег Королев

Логистика Конца Света. Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Королев

Логистика Конца Света. Книга 1

«Автор»

2026

Королев О.

Логистика Конца Света. Книга 1 / О. Королев — «Автор», 2026

Логист. Обходчик метро. Кованный кинжал. Мешок соли. И целая армия древних мифов, которые проснулись из-за человеческих грехов. Артем и Дима — штатные сотрудники закрытого ведомства «Объект-42». Их работа — закрывать разломы в ткани реальности, договариваться с духами и писать такие бюрократические отчеты, что даже ФСБ плачет от восторга. От упырей в московских квартирах до Хозяйки Медной Горы, грозящей обрушить Урал. Мрачное городское фэнтези с черным юмором, где спасение мира оформляется через форму 14-К. Первая книга серии «Чистильщики».

© Королев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Обычный вторник	6
Глава 2: Первая кровь	11
Интерлюдия: Первые трещины	17
Глава 3: Логистика конца света	21
Глава 4: Чистильщик	26
Интерлюдия: Тень над миром	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Королев

Логистика Конца Света. Книга 1

Название: Книга 1: "Логистика Конца Света"

Автор(-ы): Oleg Korolew

Глава 1: Обычный вторник

Будильник зазвонил в семь ноль-ноль, и Артем Волков, не открывая глаз, протянул руку, чтобы приглушить этот звук, напоминающий о том, что жизнь — это бесконечный цикл: проснулся, поработал, умер, повторил.

За окном его однушки в Марьино лил дождь — серый, нудный, осенний, словно небо решило, что сегодня отличный день для того, чтобы окончательно добить всех жителей района.

— Вторник, — пробормотал Артем, зевая и садясь на кровати. — Опять вторник.

Он чувствовал себя так, будто всю ночь таскал мешки с цементом, хотя спал положенные восемь часов. Сон был странным, но детали, как водится, растаяли, оставив лишь тяжесть в плечах и запах гари — будто где-то за стеной кто-то жарил проводку на завтрак.

Артем потянул носом. В комнате пахло вчерашним кофе и сыростью.

«Надо проветрить, — подумал он. — А то еще грибок заведется и начнет требовать прописку».

Поднявшись, он подошел к окну и открыл форточку. В лицо ударил влажный холод. Улица внизу жила своей унылой жизнью: машины ползли в пробке, люди с зонтиками спешили к метро, дворник методично гонял мокрые листья с места на место, явно выполняя какую-то бессмысленную работу, которая никогда не закончится.

Всё было нормально. Слишком нормально для московской осени, которая обычно радовала либо слякотью, либо внезапным снегопадом в октябре, когда все уже убрали зимние вещи на антресоли.

Единственное, что смутило Артема, — это птицы. Обычно у подъезда тусовалась стая голубей, вымогая крошки у бабушек, а воробьи устраивали шумные сходки в кустах. Сегодня ветки были пусты. Даже вороны, вечно карканье комментаторы района, куда-то исчезли.

«Наверное, устроили забастовку, — подумал Артем, закрывая форточку. — Поняли, что быть птицей в Москве — это ошибка эволюции».

Логичное объяснение его успокоило. Птицы — они умные. Не то что люди, которые каждое утро добровольно едут в офис, чтобы восемь часов смотреть в экран и делать вид, что это имеет смысл.

В ванной, чистя зубы, он поймал себя на мысли, что зеркало кажется мутным. Не грязным — именно мутным, как будто стекло стало толще. Он протер его полотенцем, но отражение всё равно выглядело бледнее, чем вчера. Синяки под глазами залегли глубже, а взгляд казался старше своих двадцати четырех лет.

«Старею, — усмехнулся он, сплевывая пену. — В двадцать четыре уже пора задумываться о завещании. Хотя что мне завещать? Коту — квартиру, бывшей — футболку с Парфеноном, начальнику — свою головную боль».

Одеваясь, он обратил внимание на любимую футболку с принтом древнегреческого храма — подарок бывшей, которая считала, что ему не хватает культурного слоя. Ткань неприятно царапала кожу, став жесткой и колкой, как мешковина.

«Порошок новый купили, — решил Артем. — Греки в древности, наверное, именно такое и носили. Может, поэтому у них и не было нормальной жизни — когда ты всё время чешешься, поневоле задумываешься о самоубийстве».

Выходя из подъезда, он почувствовал короткий укол в груди. Артем остановился, приложив ладонь к сердцу. Боль тут же прошла, оставив странное тепло.

«Сердце шалит, — подумал он. — Кофе виноват. Организм намекает, что пора бросить пить энерготоники на завтрак и начать готовиться к инфаркту. Хотя в двадцать четыре это было бы даже оригинально».

До метро было минут пятнадцать. Дорога прошла без приключений, если не считать того, что асфальт под ногами казался подозрительно мягким. Каждый шаг отдавал легкой вибрацией, словно он шел по огромному резиновому мату.

«Метро под нами роют, — решил Артем. — Землетрясение. Москва наконец-то проваливается в тартарары. Честно говоря, последний вариант был бы даже облегчением».

В переходе метро былолюдно и душно, как в бане, где забыли открыть вентиляцию. Артем надел наушники и включил подкаст об истории Древнего Рима. Голос диктора бодро рассказывал о легионах и битвах, но слова иногда искажались.

Вместо «легион» слышалось «легион... тьмы». Вместо «битва» — «жертва».

Артем снял наушник. Диктор продолжал четко: «...римские легионы одержали победу в битве при Акции».

«Показалось, — вздохнул он. — Подкаст намекает, что моя работа в логистике — это тоже своего рода жертвоприношение. Только вместо быков я приношу в жертву свои нервные клетки».

В вагоне было тесно, как в консервной банке, куда набили слишком много шпрот. Кто-то толкнул его в плечо, извинился голосом, показавшимся Артему странно низким, с хрипотцой — совсем не таким, как у молодой девушки в капюшоне. Он обернулся, но она уже уткнулась в телефон.

«Простыла, наверное, — подумал Артем. — Новый тренд — говорить басом, чтобы казаться авторитетнее. Курила с пяти лет».

Свет в вагоне мигнул. Один раз. Два. И на долю секунды лампы вспыхнули тусклым, красноватым светом, как уголья в печи. Пассажиры даже не заметили этого, уткнувшись в свои смартфоны.

«Электричество скачет, — заключил Артем. — Мосэнерго экспериментирует с атмосферным освещением. Скоро будут включать красный свет, когда поезд проезжает мимо морга».

На эскалаторе стены тоннеля показались ему серыми, будто кто-то выкрутил насыщенность цветов на минимум. Он присмотрелся к мозаике — изображению какого-то исторического события. Лица людей казались смазанными, черты расплывались, стоило отвести взгляд.

«Пора к окулисту, — подумал Артем. — Советское искусство наконец-то начинает отражать мою душу. Серую, размытую и никому не нужную».

— Ты чего такой бледный? — окликнул его Олег, коллега из соседнего отдела.

— Привет, Олег. Не выспался. Голова болит.

— Тоже мне новость. Все сегодня какие-то вялые. Магнитные бури, говорят. Собаки с ума сходят. Мой сосед рассказывал, его овчарка всю ночь выла, а утром вообще под кровать забила и рычит на пустой угол.

Артем вспомнил отсутствие птиц и странную тишину во дворе.

— Странно, — тихо сказал он.

— Да ладно, погода такая, — махнул рукой Олег. — Скоро до работы доберемся, там согреемся. И кофе выпьем. Правда, кофе там такой, что лучше бы мы замерзли насмерть.

Они вышли на поверхность. Дождь усилился, капли стали тяжелыми, почти маслянистыми. Артем поднял воротник и поспешил к офисному центру.

До здания оставалось метров сто, когда он посмотрел на витрину магазина электроники. В отражении он увидел себя и Олега. Но отражение Олега... оно отставало. Реальный Олег уже сделал шаг, а отражение всё еще стояло на месте, а потом резко дернулось, догоняя оригинал.

Артем замер. Сердце ёкнуло.

— Артем, идем! — крикнул Олег.

Артем моргнул. В витрине всё было нормально.

— Иду, — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Внутри поселилось маленькое, холодное зерно сомнения. Что-то было не так с этим миром. Что-то тихое, незаметное для большинства, но очевидное для тех, кто смотрел внимательно. Как когда ты понимаешь, что в комнате кто-то есть, но боишься обернуться.

Они вошли в офисный центр. Турникет пискнул, охранник кивнул. Обычный вход в обычный рабочий день.

Но когда Артем прошел через турникет, воздух внутри показался ему тяжелее, гуще, словно в помещении скопилось слишком много невидимых людей. Он снял куртку и посмотрел на руки. На ладони, прямо в центре, появился красный след, похожий на ожог от искры. Он потер его пальцем — след исчез через секунду.

«Статика, — убедил себя Артем. — Знак, что пора носить меньше синтетики. Начал гореть на работе. Буквально».

Лифт поехал на пятый этаж. Артем смотрел на цифры. 3... 4...

Цифра «5» загорелась, но вместо звонка лифт издал звук, похожий на протяжный вздох. Двери открылись.

Рабочий день начался. Офис встретил его гулом клавиатур и запахом дешевого кофе, который на вкус был как обещания политика перед выборами — горький, пустой и оставляющий неприятное послевкусие.

— Доброе утро, Артем, — поприветствовала Лена, ведущий менеджер. Она выглядела осунувшейся, но улыбка была дежурной.

— Привет, Лен. Как настроение?

— Нормально. Только голова раскалывается. Петров чуть не наорал на курьера из-за мелочи. Ты тоже чувствуешь это напряжение?

— Наверное, погода давит. Магнитные бури.

— Скорее всего. Ладно, давай работать. Клиент из Новосибирска ждет отчет.

Рабочий день потек в своем ритме. Артем сверял накладные, звонил поставщикам, решал мелкие логистические проблемы. Всё шло как обычно, если не считать головной боли, которая не проходила даже после таблетки.

Первый момент сомнения возник около одиннадцати.

Артем набирал письмо поставщику. Написал фразу: «Груз будет доставлен вовремя». Но когда перечитал, слово «доставлен» казалось странным. Буквы слегка расплылись, как чернила на промокатальной бумаге.

Он моргнул. Всё было четко.

«Глаза устают, — подумал он, стирая и перепечатывая. — Автозамена решила, что я пишу на мертвом языке. Хотя, возможно, логистика и есть мертвый язык».

На планерке начальник говорил о квартальных планах. Его голос звучал монотонно, и Артему казалось, что он слышит не слова, а фоновый шум.

«...нам нужно увеличить эффективность... оптимизировать пути...»

Но Артему слышалось: «...нам нужно подготовить жертву... очистить пути...»

Он тряхнул головой. Начальник продолжал: «...очистить маршруты от лишних затрат».

— Артем, ты согласен?

— Да, конечно. Полностью согласен. Оптимизация важна.

«Просто ослышался, — убедил он себя. — Начальник действительно думает о жертвоприношениях. В нынешней экономике, наверное, это было бы даже логично. Принести в жертву кого-нибудь из отдела — и бюджет сойдется».

Обед прошел в столовой. Еда казалась пресной, как больничная каша. Коллеги сидели молча, уткнувшись в телефоны. Атмосфера была тяжелой, вязкой.

Артем заметил охранника Ивана, который сидел в углу и нервно теребил ручку, глядя в одну точку.

«...скоро... скоро всё изменится...» — донесся обрывок фразы.

Артем прислушался. Иван замолчал и начал жевать бутерброд.

«Показалось, — решил Артем. — Иван просто устал охранять это унылое место. Кто бы не устал».

После обеда работа шла тяжело. Концентрация падала. Артем несколько раз ошибался в цифрах, чего с ним никогда не случалось. Ему приходилось перепроверять данные по три раза.

Когда он смотрел в окно, вид на город казался плоским, как декорация. Здания стояли слишком ровно, облака не двигались, хотя внизу люди кутались от ветра.

«Застывшая картинка, — подумал он. — Пора в психушку. Хотя, возможно, там было бы спокойнее, чем в этом офисе».

К концу дня усталость накопилась. Голова гудела, глаза слезились. Артем собирал вещи, мечтая только об одном: оказаться дома.

— Артем, подожди, — окликнула Лена. — Ты не видел мой блокнот? Синий, с логотипом. Я точно его сюда клала.

— Может, в сумке? Уронил?

— Нет, я помню точно. Странно. Будто испарился.

— Найдется, — успокоил её Артем, хотя сам почувствовал укол тревоги.

Вещи не исчезают просто так. Но в офисе полно людей. Может, кто-то взял по ошибке. Домовой завелся. Офисный домовый, питающийся скрепками и чужими нервами.

Он вышел из офиса и направился к лифту. Кабина приехала быстро, внутри было пусто. Артем зашел, нажал кнопку первого этажа.

Тишина давила на уши. Артем посмотрел на свое отражение в металлической стенке. Отражение повторило его движения: он поправил воротник — отражение поправило. Вдохнул — отражение вдохнуло.

Но ему показалось, что отражение моргнуло чуть позже, чем он сам. С задержкой в долю секунды.

Артем моргнул еще раз. Отражение синхронизировалось мгновенно.

«Глюк, — твердо сказал он себе. — Слишком много сидел за монитором. Зеркало показывает, как я буду выглядеть через десять лет. Спойлер: плохо».

Лифт остановился. Иван сидел на месте, листая журнал.

— До завтра, Артем Викторович.

— До завтра, Иван.

Он вышел на улицу. Вечерний воздух был холодным. Дождь почти прекратился, оставив лужи, в которых отражались фонари, как глаза хищников.

«Нужно просто дойти до метро, — думал он. — Домой, душ, сон. И завтра всё будет нормально. Хотя, судя по сегодняшнему дню, "нормально" — это понятие относительное».

Он спустился в метро. Вагон был полон. Люди стояли плечом к плечу, уставшие, молчаливые.

Ему снова показалось, что поезд едет слишком долго. Обычно путь занимал двадцать минут, но казалось, что прошло уже полчаса, а объявлений о станциях не было.

Он посмотрел на табло. Надпись мигала: «Следующая станция: ...». Буквы менялись местами, складываясь в бессмыслицу.

«Сбой электроники, — решил Артем. — Метро решило поиграть в анаграммы».

Поезд прибыл. Артем вышел, поднялся по эскалатору и шагнул на улицу.

До дома было минут пятнадцать. Он шел быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Прохожие казались слишком медленными, будто в замедленной съемке. А тени от фонарей — непропорционально длинными и густыми.

«Усталость, — твердил он себе. — Просто усталость. Мозг наконец-то сломался от всей этой бессмыслицы».

Он свернул во двор. Подъезд освещала тусклая лампочка. Артем достал ключи, открыл дверь и вошел.

Тишина. Ни звука телевизора, ни шагов соседей. Только гул лифта где-то на верхних этажах.

Он поднялся на свой этаж, открыл дверь и вошел внутрь.

Дом. Наконец-то.

Он сбросил куртку, прошел на кухню и налил стакан воды. Выпил залпом.

«Завтра будет другой день», — прошептал он, глядя в темное окно.

И вдруг ему показалось, что в темноте двора, под фонарем, стоит фигура. Высокая, неподвижная. Она смотрела прямо на его окно.

Артем замер. Сердце пропустило удар.

Он присмотрелся. Пусто. Только мокрый асфальт и качающаяся ветка.

«Тень, — выдохнул он. — Просто тень от дерева. Мерещатся покойники».

Он прошел в комнату, разделся и рухнул на кровать. Усталость накрыла с головой.

«Просто странный день», — была последняя мысль перед тем, как сознание провалилось в темноту.

Но сон не принес покоя.

Ему снился волк. Огромный, серый, с глазами, горящими, как угли. Он стоял прямо у кровати, и на этот раз был ближе.

Волк открыл пасть, и оттуда донесся голос, четкий и громкий:

«Они уже здесь».

Артем дернулся и проснулся.

В комнате было темно. Часы показывали три часа ночи.

За окном было тихо. Слишком тихо. Даже машины не ездили, как будто весь город затаил дыхание.

И тогда он услышал звук. Не из сна. Из реальности.

Где-то далеко, но с каждой секундой всё ближе, начал расти низкий, вибрирующий гул. Звук, похожий на скрежет гигантских камней. Стон чего-то очень древнего, что просыпается после долгого сна.

Артем сел на кровати, вглядываясь в темноту окна.

Гул становился громче. И вместе с ним небо за окном начало менять цвет. Чернота ночи растворялась, уступая место тусклому, багровому свечению.

Как будто само небо кровоточило.

Глава 2: Первая кровь

Артем замер у окна, не в силах отвести взгляд.

Небо за окном не просто светилось. Оно *кровоточило*. Тусклый, багровый свет, который разбудил его полчаса назад, теперь пульсировал в такт тому низкому гулу, что скребся по стеклу. Гул был не звуком, а вибрацией, от которой ныли зубы и чесались кости.

Прямо над двором, на высоте третьего-четвертого этажа, пространство искажалось, словно горячий асфальт летом. Но вместо марева оттуда медленно просачивалась густая, маслянистая дымка. Она была черной, почти непрозрачной, и падала вниз тяжелыми клубами, оседая на крышах машин, на асфальте, на ветках деревьев.

Дымка не рассеивалась. Она накапливалась, как гной в нарыве.

Внизу, во дворе, царила мертвая тишина. Ни собак, ни птиц, ни даже шума ветра. Только этот гул.

Артем прижался лбом к холодному стеклу. Разум лихорадочно искал объяснение, цепляясь за привычную логику. Утечка газа? Химический выброс с соседнего завода? Но дымка вела себя странно: она обтекала препятствия, словно живая, и скапливалась в темных углах, избегая света единственного работающего фонаря.

И тут он увидел движение.

В самом густом клубе дыма, возле мусорных баков, что-то шевельнулось. Сначала Артем подумал, что это тень от качающейся ветки. Но тень отделилась от земли.

Фигура была человеческой лишь отдаленно. Она выпрямилась, выросла до двух метров, хотя изначально казалась сгорбленной. Конечности были неестественно длинными, тонкими, будто кости вытянули на дыбе. Спина выгнулась дугой, голова свисала вперед, скрывая лицо.

Существо стояло неподвижно, склонившись над чем-то лежащим на асфальте.

Артем прищурился. Лежащее было одето в синюю рабочую форму. Дворник. Тот самый мужик, который утром кивнул ему, подметая листья. Сейчас он лежал неподвижно, раскинув руки, а его метла валялась в стороне, как сломанная кость.

Существо дернулось. Раздался влажный, хлюпающий звук, отчетливо слышимый даже через закрытое окно пятого этажа. Будто кто-то с силой рвал мокрую ткань. Затем — короткий, сдавленный хрип.

Дворник больше не двигался.

Холод прошел по спине Артема, заставив волосы встать дыбом. Тошнота подступила к горлу. Это не было нападением бродяг. Это было убийство. Холодное, методичное, звериное.

Существо подняло голову.

Даже на таком расстоянии Артем почувствовал на себе его взгляд. Оно медленно повернулось в сторону его окна. Лица не было видно — оно было скрыто спутанными волосами и тенью, но Артем ясно ощутил направленность этого внимания. Будто хищник учуял добычу, которая пахнет страхом и дешевым кофе.

Артем отшатнулся от окна, сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках.

— Черт, черт, черт... — забормотал он, пятясь назад.

Нужно было звонить в полицию. Он схватил телефон со стола. Экран загорелся. Сеть была полной. В новостной ленте мелькали заголовки: «Пробки на МКАДе», «Курс валют стабилен». Мир жил своей обычной жизнью, пока в его дворе происходило нечто невозможное.

Палец завис над кнопкой вызова. Что он скажет? «Здравствуйте, тут во дворе двухметровый бомж жрет дворника»? Его примут за сумасшедшего. Пока они будут ехать, это существо уже будет здесь. В подъезде. На лестнице. У его двери.

И тут он услышал звук внутри квартиры.

Тихий скрип. Как будто кто-то наступил на рассохшуюся половицу в коридоре.

Артем замер. Дверь была заперта на два оборота. Окна закрыты. Он жил один.

Скрип повторился. Ближе. Уже не в коридоре, а в комнате. Прямо за его спиной.

Запах гнили стал невыносимым. Сладковатый, тошнотворный запах сырой земли и разлагающейся плоти ударил в нос, перебивая запах вчерашнего кофе. Инстинкт, древний и животный, заорал: *Беги!*

Но бежать было некуда. Окно вело на пятый этаж. Дверь — в коридор, где только что был звук.

Артем медленно обернулся.

В углу комнаты, там, где раньше стоял шкаф с книгами, стояла тень. Нет, не тень. Существо. Оно было высоким, худым, с непропорционально длинными конечностями. Кожа мертвенно-бледная, покрытая сетью черных вен. Голова лысая, с проваленными глазницами, в которых горели два тусклых красных огонька. Рот открыт, обнажая ряды острых, как иглы, зубов.

Это было то же самое существо, которое он видел во дворе. Но как оно попало сюда? Дверь заперта. Окна закрыты. Хотя, судя по черной дымке на улице, для этой твари стены были просто рекомендацией.

Существо повернуло голову. Красные глаза сузились. Из пасти вырвался низкий рык, от которого завибрировали стекла.

— Ты... видишь... меня... — прошипело оно. Голос был хриплым, будто горло было набито землей.

Артем попятился, спина наткнулась на подоконник. В руке он сжимал телефон. В другой — ничего. Только складной нож в кармане куртки, которая висела на стуле у двери. До нее метров пять. Через всю комнату. Через пространство, которое теперь занимало это существо.

Существо сделало шаг вперед. Движение дерганое, неестественное, но скорость пугающая.

Артем понял: если он побежит к двери, тварь настигнет его за секунду. Единственный шанс — импровизировать.

Он схватил со стола тяжелую стеклянную вазу с искусственными цветами и швырнул её в существо.

Ваза разбилась о грудь твари, осколки разлетелись в стороны. Существо даже не моргнуло. Оно лишь слегка покачнулось, словно его ударила муха.

— Глупый... человек... — прошипело оно, приближаясь.

Артем огляделся. На столе лежал нож для резки бумаги. Маленький, острый. Не оружие, но лучше, чем голые руки. Он схватил его, чувствуя, как ладони вспотели.

Существо было уже в двух шагах. Его когти, длинные и черные, вытянулись, готовые разорвать плоть.

Артем зажмурился и нырнул в сторону, под стол, пытаясь уйти из-под первого удара.

Когти просвистели над его головой, царапнув обои. Звук был таким, будто гвоздем скребли по стеклу.

Артем оказался под столом, в пыли и темноте. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в ушах. Он слышал дыхание существа — тяжелое, хриплое, прямо над собой.

Существо наклонилось, заглядывая под стол. Красные глаза встретились с глазами Артема.

— Нашел... тебя...

Длинная, серая рука с почерневшими когтями потянулась под стол.

Артем действовал на чистом инстинкте. Он сжал в кулаке канцелярский нож и со всей силы ткнул им в тянущуюся к нему конечность.

Лезвие вошло в плоть с отвратительным звуком, напоминающим удар в мокрую глину. Крови не было. Из раны хлынула густая, черная жижа, пахнувшая формалином и тухлым мясом.

Существо не закричало. Оно лишь издало глухое шипение и дернуло рукой так резко, что нож выскользнул из пальцев Артема и со звоном упал на пол.

Теперь, в полуметре от лица, Артем мог разглядеть его в деталях, и от этого зрелища желудок свело спазмом.

Это был не просто урод. Это был труп. Кожа натянута на череп так сильно, что казалась пергаментной, серой от долгого пребывания в земле. Губы отсутствовали, обнажая почерневшие десны и частые, острые зубы.

Упырь.

Слово всплыло в памяти с пугающей ясностью. Но это было не просто воспоминание из книжки.

Внезапно виски Артема сдавило тисками. Боль была такой резкой, что он чуть не потерял сознание. Мир перед глазами поплыл, и на секунду он увидел не свою комнату, а темный лес, костер и человека в грубой льняной рубахе. Человек держал в руках тяжелый железный гвоздь и осиновый кол. Он вбивал их в грудь такого же мертвеца, приговаривая: *«Железо для плоти, соль для духа, прах — земле»*.

Видение схлынуло так же резко, как и началось, оставив после себя металлический привкус крови во рту и абсолютную, кристальную ясность.

Железо. Ему больно от железа.

Существо рванулось вперед, ломая каркас стола. Деревянная столешница треснула и рухнула на пол. Артем перекатился в сторону, чувствуя, как ледяные пальцы с силой сжимают его лодыжку. Хватка была стальной. Когти впивались в джинсу, царапая кожу.

Артем ударил свободной ногой прямо в лицо мертвецу. Кроссовок с глухим хрустом врезался в челюсть. Голова упыря мотнулась назад, шея издала тошнотворный скрип, но через секунду вправилась обратно. Существо начало подтягивать Артема к себе, к раскрытой, зловонной пасти.

— Отстань! — заорал Артем, вцепившись обеими руками в ножку тяжелого дубового стула.

Он рванул на себя. Стул выдержал. Упырь потянул сильнее, и Артема волоком потащило по ламинату.

Артем отпустил стул и в последний момент перехватил запястье существа обеими руками. Ледяная сила была нечеловеческой. Коготь замер в сантиметре от его сонной артерии. Мышцы предплечий горели огнем. Он не мог удерживать это долго.

Нужно было изменить правила.

Артем резко отпустил правую руку и ударил локтем в розетку на стене. Искры брызнули в лицо, но Артем уже дернул существо на себя, используя его же инерцию, и одновременно ударил коленом в грудь мертвеца.

Упырь разжал хватку. Артем вскочил на ноги и рванул к двери комнаты.

Он вылетел в коридор, едва не сбив вешалку. За спиной раздался яростный визг и звук ломающейся мебели.

Артем проскочил по коридору и влетел на кухню. Его рука нащупала на столе тяжелую чугунную сковороду. *Чугун. Это железо.* Холодный, шершавый металл обжег ладонь, но сейчас это было лучшее, что могло случиться в его жизни.

Он развернулся, сжимая сковороду как щит и оружие одновременно.

Упырь стоял в дверном проеме. Он выпрямился во весь рост, задевая потолок лысой головой. Черная жижка капала с его подбородка на кафель. Существо наклонило голову набок, изучая его, а затем растянуло губы в жутком подобии улыбки.

Оно рванулось с места, сокращая расстояние за долю секунды.

Артем не стал ждать. Он перехватил ручку сковороды обеими руками, замахнулся и со всей силы ударил в летящий силуэт.

Тяжелый чугун с глухим, тошнотворным звуком врезался в плечо существа.

Раздалось шипение, словно раскаленный металл опустили в воду. Упырь взвизгнул — пронзительно и неестественно высоко — и отлетел в сторону, врезаясь в холодильник. На его сером плече, там, где коснулся чугун, дымилась глубокая, обугленная рана.

Работает, — с диким облегчением подумал Артем. *Железо работает*.

Но монстр, оскалив почерневшие зубы, снова бросился в атаку, игнорируя боль.

Артем попытался отступить, но нога предательски скользнула по разлитому ранее маслу. Он упал на спину, больно ударившись затылком о нижний шкаф. Упырь тут же оказался сверху. Ледяные пальцы впились в куртку, прижимая его к полу. Существо раскрыло пасть, целясь прямо в горло. Капля черной слюны упала Артему на щеку, обжигая кожу, как кислота.

— Ааа! — заорал Артем, инстинктивно вскидывая сковороду.

Чугунная поверхность оказалась прямо между его лицом и челюстями монстра. Упырь с хрустом вцепился зубами в металл. Звук скрежета зубов о чугун ударил по ушам. Существо давило, его шея вздулась от напряжения. Чугун медленно опускался к лицу Артема.

Я не удержу. Я слишком слаб.

Паника начала сковывать разум. Ноги монстра обвили бедра Артема. Правая рука, сжимавшая ручку сковороды, начала неметь. Его взгляд метнулся по кухне. На столешнице, в полуметре от его головы, стоял тяжелый стеклянный бутыль с подсолнечным маслом.

Артем разжал правую руку. Сковорода с лязгом упала на грудь монстру, и челюсть существа резко сомкнулась в сантиметре от носа Артема. Пока упырь приходил в замешательство, Артем левой рукой схватил бутыль и со всей силы ударил им по лысой голове мертвеца.

Стекло разлетелось вдребезги. Масло хлынуло на голову и в глаза упырю. Существо взревело, выпуская Артема и хватаясь за лицо.

Это был единственный шанс.

Артем перекатился в сторону, хватая с пола сковороду. Он вскочил на ноги, игнорируя боль в ребрах. Упырь, ослепленный и шипящий, начал поворачиваться к нему.

Артем не стал замахиваться. Он просто шагнул вперед, поднял сковороду над головой и, как молотом, опустил ее прямо на макушку существа.

КРАК.

Звук ломающихся костей был похож на удар кувалдой по арбузу. Череп упыря не выдержал. Существо осело и рухнуло на кафель.

Но Артем не остановился. Адреналин полностью отключил разум. Он бросился к магнитному держателю на стене, выхватил тяжелый поварской нож и, упав на колени рядом с дергающимся телом, вонзил лезвие прямо в основание черепа, пригвоздив тварь к полу.

«Прах — земле», — мелькнула в голове фраза из видения.

Тело упыря выгнулось дугой, издав последний хриплый выдох. И замерло.

Артем остался стоять на коленях, тяжело, судорожно вдыхая воздух. Его руки тряслись так сильно, что он не мог разжать пальцы. Поварской нож выпал из ослабевших пальцев и звякнул о кафель.

Тишина в кухне была звенящей, нарушаемой лишь его хриплым дыханием и тихим потрескиванием — это на раскаленной конфорке плиты плавилась пластиковая ручка сковороды.

Он перевел взгляд на тело. Оно начало меняться. Серая плоть трескалась, как пересохшая глина, и из трещин сочился тусклый, пепельный свет. Кости превратились в пыль, плоть — в пепел. Через несколько секунд на полу, среди разлитого масла и осколков стекла, не осталось ничего, кроме небольшой кучки черного праха.

А над этим прахом начал формироваться свет.

В его центре, словно сердцевина угля, тлел тусклый, болезненно-бледный огонек. Он пульсировал, расширяясь и сжимаясь в такт замедлившемуся сердцебиению Артема.

Артем вжался спиной в кухонный гарнитур, сжимая в руке сковороду. Он не знал, чего ожидать. Взрыва? Новой твари?

Но пепел просто рассыпался, и в воздухе, над местом, где только что лежал упырь, завис небольшой предмет. Это был кусочек кости, размером с фалангу пальца, грубо обработанный и пронизанный черным, словно из витой проволоки, шнурком. От него веяло таким холодом, что на коже Артема выступила гусиная кожа.

Прежде чем он успел осмыслить происходящее, сгусток бледного света резко метнулся к нему.

Артем инстинктивно зажмурился и вскинул руки, но свет прошел сквозь его ладони, сквозь одежду, и вонзился прямо в центр груди.

В тот же миг в его висках вспыхнула ослепительная боль.

— А-а-а... — вырвалось у него сквозь стиснутые зубы.

Это не было похоже на тепло или эйфорию. Это было ощущение, будто в его вены залили ледяную ртуть. Сердце пропустило удар, затем другой, и начало биться с новой, тяжелой, ритмичной силой. *Тук... Тук... Тук...*

Вместе с болью в тело хлынула сила. Тяжелая, грубая, первобытная. Мышцы налились свинцовой плотностью. Царапины от когтей упыря, которые еще минуту назад горели огнем и сочились кровью, начали затягиваться прямо на глазах, покрываясь тонкой серой коростой.

Плоть и Прах, — пришло знание. Не словами, а ощущением. *Ты убил смерть. Теперь смерть живет в тебе.*

Это был Путь Уничтожения. Он забрал силу твари, но вместе с ней в кровь пришла и её суть. Артем почувствовал, как внутри него шевельнулось что-то холодное и равнодушное. Побочный эффект. Ему вдруг стало всё равно на разгромленную кухню, на труп дворника во дворе, на то, что он только что убил существо голыми руками. Страх ушел, оставив после себя лишь холодную, кристальную ясность и легкую, пульсирующую агрессию.

Он сглотнул, чувствуя, как во рту пересохло, и потянулся к парящей кости. Пальцы сомкнулись на холодном материале.

Амулет Мертвой Хвати, — шепнуло в голове. *Снижает влияние ментального страха. Увеличивает силу хвата.*

Артем надел шнурок на шею. Кость коснулась ключицы, и ледяное жжение мгновенно прошло. Он почувствовал себя... иначе. Тяжелее. Плотнее. Когда он сжал кулак, ему показалось, что суставы перестали хрустеть, а пальцы способны теперь гнуть гвозди.

Он убил монстра. И получил за это силу. И равнодушие.

— Я схожу с ума, — хрипло произнес он в пустоту. — Это галлюцинации. Угарный газ. Или я наконец-то доработался до белой горячки.

Но шрамы на груди были реальными. Разгромленная кухня — реальной. А тяжелый, чуждый кусок кости на шее холодила кожу, доказывая, что это не сон.

Артем медленно поднялся на ноги. Колени не дрожали. Амулет на шее тихо пульсировал, гася остатки паники, оставляя лишь холодную логику.

Ладно. По порядку, — подумал он, и его мозг логиста тут же начал выстраивать цепочку действий.

Первое: это не галлюцинации. Он чувствует силу в руках, видит шрамы. Второе: существо появилось из ниоткуда. Дымка просачивается везде. Значит, нужно проверить квартиру. Закрыть все окна, заткнуть вентиляцию. Третье: он убил его. Значит, их можно убивать. И за это дают... силу. Но какую цену?

Артем подошел к окну и осторожно отдернул штору на сантиметр.

Двор был пуст. Тело дворника исчезло. Черная дымка рассеялась, растворилась в воздухе, словно её и не было. Только багровый оттенок неба остался, тусклый и болезненный, как синяк.

Ничего не двигалось. Ни собак, ни людей, ни монстров. Тишина.

Артем отпустил штору и вернулся на кухню. Нужно убрать следы. Разбитое стекло, масло, кровь — всё это нужно убрать до утра. Потому что утром придет участковый. Или соседи. Или кто-то еще.

«Здрасьте, товарищ участковый, а это не я упыря сковородкой замочил, это у меня сковородка взорвалась, а дворник сам помер от инфаркта, глядя на мой кулинарный шедевр», — с кривой усмешкой подумал Артем, беря веник.

Он начал сметать осколки. Руки больше не дрожали. Движения были четкими, уверенными, почти механическими. Амулет на шее делал своё дело, превращая его из перепуганного обывателя в холодного уборщика последствий.

Когда он подметал пол, в его голове снова всплыло слово. *Упырь*. Славянская мифология. Оживший мертвец. Низшая нечисть.

Откуда он это знал так точно? Он читал книгу о мифах накануне. Но это было просто чтение. А сейчас знание было другим — глубоким, интуитивным, как будто он сам когда-то охотился на таких тварей. Видение в лесу. Человек в льняной рубахе. Его предок?

Артем остановился, опираясь на веник.

— Что со мной происходит? — прошептал он.

Ответов не было. Только тишина квартиры и тихое гудение холодильника.

Он довел уборку до конца. Вытер пол тряпкой, собрал осколки в пакет, спрятал сковороду в шкаф. Кухня выглядела почти нормально, если не считать разбитой вазы и масляных пятен на стенах.

Артем прошел в ванную, включил свет и посмотрел в зеркало.

На него смотрел тот же человек, что и вчера. Те же глаза, тот же нос. Но что-то изменилось. Взгляд стал тяжелее. Плотнее. В глубине зрачков теперь таилась та самая холодная, равнодушная тьма, которая пришла вместе с силой упыря.

Он снял куртку. На груди, поверх ребер, виднелись три тонких белых шрама — следы от когтей. Кожа вокруг них была бледной, но не воспаленной. Раны затянулись. Полностью.

Артем провел пальцами по шрамам. Они не болели.

— Ладно, — сказал он своему отражению. — Дожидаемся утра. Потом разберемся. А пока... ипотека сама себя не выплатит, даже если тебя сожрут.

Он вернулся в комнату, лег на кровать и закрыл глаза. Сон не шел. В голове роились мысли, одна другой безумнее. Но тело было спокойным. Амулет на шее тихо вибрировал, усыпляя тревогу.

Артем лежал в темноте и слушал тишину города. Где-то далеко выла сирена. Где-то близко лаяла собака.

Он просто хотел, чтобы это закончилось. Чтобы завтра проснуться, и всё оказалось сном. Но он знал, что не окажется. Потому что на его шее холодила кожу кость мертвеца, а в венах текла чужая, ледяная сила.

Интерлюдия: Первые трещины

Токио, Япония. 14:23 по местному времени.

Кенжи стоял на крыше своего офисного центра в Синдзюку, куря сигарету, которую обещал себе бросить еще в прошлом году. Внизу, на перекрестке Сибуя, тысячи людей спешили по своим делам, уткнувшись в смартфоны, словно экраны могли спасти их от надвигающегося дедлайна и экзистенциальной пустоты.

Всё было, как всегда. Кроме одного.

Кенжи посмотрел на свое отражение в стеклянном ограждении крыши. Отражение смотрело в ответ. И улыбалось.

Кенжи не улыбался. Он вообще-то думал о том, как будет объяснять начальнику срыв поставок.

— Наверное, я наконец-то переутомился, — вслух сказал он на английском, хотя вырос в Токио. — HR это не одобрит.

Отражение моргнуло. Кенжи не моргал.

Затем отражение подняло руку и указало вниз, на улицу. Кенжи, повинувшись какому-то липкому, иррациональному ужасу, посмотрел туда. В толпе, среди тысяч серых костюмов, он увидел её.

Девушку в белом, похоронном кимоно. Её длинные черные волосы висели мокрыми прядями, хотя дождь уже час как кончился. Она стояла неподвижно, и люди проходили сквозь неё, даже не замечая, как их плечи на секунду покрываются инеем.

Она подняла голову. Её шея хрустнула, изгибаясь под неестественным, сломанным углом. Глаза были полностью черными. Без белков. Просто две бездны, пахнущие стоячей водой и увядшими лотосами. Запах долетел до крыши, перебивая городской смог.

Юрэй, — всплыло в памяти слово из детских страшилок, которые рассказывала бабушка. Дух, не нашедший покоя. Но бабушка не говорила, что от одного взгляда на них внутри всё покрывается ледяной коркой.

Девушка подняла бледную руку и махнула ему. Не прощально. Приглашающе. А затем просто шагнула в толпу и растворилась, оставив на асфальте мокрое пятно.

Кенжи выронил сигарету. Его руки дрожали так сильно, что он не мог нащупать в кармане телефон. Мир только что дал трещину, и Кенжи с ужасом понял, что его корпоративная этика больше не имеет никакого значения.

Каир, Египет. 09:15 по местному времени.

Доктор Лейла эль-Масри стояла на коленях в пыльном коридоре гробницы, которую их команда раскапывала уже третий месяц. Воздух был сухим, пах древней пылью и чем-то еще... чем-то металлическим, как запах старой крови и озона.

— Лейла, ты видела это? — голос Ахмеда, её ассистента, дрожал так, что он едва выговаривал слова.

Она подняла голову. Факелы на стенах горели ровным пламенем, но тени... тени двигались неправильно. Они не соответствовали источникам света. Они ползли по стенам, собираясь в углы, образуя угловатые, ломаные фигуры.

Три месяца мы выгребали песок, чтобы найти пару глиняных черепков, — с горьким, истеричным цинизмом подумала Лейла. А нашли, судя по всему, проклятие, о котором нас не предупредили в университете.

На стене, прямо перед ней, тень сгустилась и обрела форму. Высокая, худая фигура с головой шакала. Анубис.

Но это был не бог из учебников истории. Это было что-то древнее, голодное и злое, что использовало образ бога, как маску. От фигуры исходил такой холод, что у Лейлы заныли зубы.

Фигура подняла руку и указала на саркофаг в центре комнаты. Тяжелая базальтовая крышка начала двигаться. Медленно, со скрежетом камня о камень, который отдавался в самой груди.

Лейла схватила свой рюкзак и попятилась к выходу. За её спиной раздался не крик и не рык. В её голове, прямо в центре черепа, зазвучал сухой, шуршащий шепот, похожий на треск пергамента. Слова она не слышала ушами, она *понимала* их смысл, и от этого тошнило:

«Ты открыла дверь. Теперь ты — часть инвентаря».

Она выбежала из гробницы на ослепительный солнечный свет, падая на раскаленный песок. Сердце колотилось где-то в горле.

Ахмед выбежал следом, бледный, с трясущимися руками. — Что... что там?

Лейла посмотрела на него. В его глазах она увидела то же, что чувствовала сама. Не просто страх. А абсолютное, кристальное понимание того, что все их научные степени, гранты и публикации только что превратились в пыль.

Осло, Норвегия. 18:47 по местному времени.

Эрик Хенриксен сидел в своей хижине в горах, в ста километрах от ближайшего города. За окном мело. Снег бил в стекла с такой силой, что казалось, будто кто-то швыряет в дом гравий.

Он не боялся бури. Бури в Норвегии шумные. Ветер воет, снег скрипит, деревья трещат. Он боялся тишины.

Сейчас за окном было тихо. Слишком тихо. Даже ветер стих, словно кто-то выдернул шнур из розетки мира. Птицы замолчали еще час назад. Собаки в деревне внизу не лаяли — они выли.

Эрик посмотрел на камин. Огонь горел ровно, но дым не поднимался в трубу. Он стелился по полу, тяжелый и жирный, пахнувший мокрой шерстью и сырой землей.

Затем раздался стук в дверь.

Тяжелый, медленный удар. Дерево на петлях застонало. Это был не стук кулака. Это было похоже на то, как если бы в дверь ударили стволом столетней сосны.

Эрик спокойно, без лишней суеты, взял со стены дедовское ружье. Заряженное свинцовыми пулями. *Отлично*, — с мрачным норвежским фатализмом подумал он. *В ружье две пули, а за дверью, судя по запаху, целая гора.*

Стук повторился. Дверь затряслась, щепки полетели на пол.

— Кто там? — крикнул Эрик, хотя прекрасно знал, что люди так не стучат.

Ответом был низкий, вибрирующий гул, от которого задрожали стекла и посыпалась пыль с потолка. Это не были слова. Это был звук трущихся друг о друга тектонических плит, который мозг Эрика, вопреки логике, перевел в понятную фразу:

«Открой, охотник. Я чувствую твоё тепло. И твоё железо».

Эрик попятился от двери. Он знал, кто это. Тролль. Горный великан. В сказках они боялись солнечного света и церковных колоколов. Но сейчас была полярная ночь, а ближайшая церковь находилась в восьмидесяти километрах.

Дверь треснула. Через образовавшуюся щель Эрик увидел глаз. Огромный, желтый, с вертикальным зрачком, в котором отражался огонь камина.

Эрик взвел курки. Сказки закончились.

Санкт-Петербург, Россия. 23:10 по местному времени.

Максим стоял на набережной Невы, глядя на черную воду. Ночь была холодной, промозглый туман стелился над рекой, скрывая противоположный берег и разведенные мосты. Фонари горели тускло, их желтый свет с трудом пробивался сквозь мглу.

Он пришел сюда, чтобы проветрить голову после двенадцатичасовой смены в порту. Но сегодня вода была странной.

Она не плескалась о гранит. Она стояла неподвижно, густая и черная, как мазут. И в этой неподвижности Максим видел что-то. Тени. Они поднимались со дна, медленно, неестественно плавно, нарушая все законы физики.

Первым вышел он.

Огромный, раздутый, как утопленник, пролежавший в воде месяц. Кожа была бледной, покрытой тиной и ржавыми пятнами. Вместо волос на голове колыхались длинные, склизкие водоросли. От него несло тухлой рыбой, илом и старой медью.

Водяной, — с каким-то тупым, обреченным спокойствием подумал Максим. Дед предупреждал. А я, дурак, думал, что он просто водку на берегу пил и байки травил.

Существо стояло на парапете, в пяти метрах от него. Вода стекала с его тела, но не падала вниз, а впитывалась обратно в гранит.

Затем из воды начали выходить другие. Десятки. Бледные, раздутые фигуры с пустыми глазами, в истлевших лохмотьях. Утопленники. Те, кого Нева не отдала.

Максим попятился. Нога поскользнулась на мокрой листве, и он тяжело упал на спину, больно ударившись локтем о брусчатку.

Водяной склонил голову. Его рот открылся, обнажая ряды мелких, как у щуки, зубов. Из рта хлынула черная вода.

«Ты пришел к моей воде, человек, — звук был похож на треск весеннего льда и бульканье тонущего камня. — Теперь ты пойдешь ко мне на дно. Там тихо».

Максим сжал в руке тяжелый, гранитный булыжник, который выковырял из мостовой. Он не знал, поможет ли камень против духа реки. Но умирать просто так, во вторник, на холодной набережной, ему совершенно не хотелось.

Лондон, Великобритания. 03:33 по местному времени.

Сара Уилсон сидела в своей квартире в районе Ковент-Гарден, глядя на выключенный телевизор. В новостях только что показывали репортаж о странной вспышке массового психоза в Москве. «Галлюцинации, вызванные утечкой газа», — говорили эксперты.

Сара выключила звук. Она была реставратором старых книг и в мистику не верила. Она верила в переплеты, клей и учетные записи.

Затем она посмотрела на зеркало в коридоре.

Её отражение смотрело в ответ. И плакало черными, густыми слезами.

Сара не плакала.

Отражение медленно подняло руку и указало на входную дверь.

Сара, чувствуя, как холодеют кончики пальцев, встала и подошла к двери. Она посмотрела в глазок.

В коридоре стояла женщина. Высокая, в изодранном викторианском платье. Её кожа была цвета старого пергамента, а губы запеклись в черную корку. На её шее виднелись две рваные, гноящиеся раны.

Это был не романтический вампир из молодежных романов. Это был *ревенант*. Оживший мертвец, движимый только голодом и злобой. От двери тянуло запахом формалина, сырой земли и старой меди.

Женщина за дверью не улыбалась. Она дергалась, словно пытаясь вспомнить, как работают человеческие мышцы, и её челюсть неестественно выдвигалась вперед.

Сара попятилась. Её взгляд упал на стол. Там лежал нож для разрезания бумаг. Старый, тяжелый, из потемневшего серебра. Подарок бабушки, которая всегда говорила, что серебро отпугивает нечисть.

Бабуля, ты была права, — с сухим, истеричным британским юмором подумала Сара, сжимая холодную рукоять. Но ты забыла уточнить, что нечисть будет пытаться выломать мою дверь в центре Лондона в три часа ночи.

Сара встала сбоку от дверного косяка и подняла нож.

Дерево двери затрещало. Снаружи раздался скрежет длинных, почерневших ногтей. Трещины пошли по всему миру. И заделывать их было некому.

Глава 3: Логистика конца света

Артем проснулся не от будильника, а от непривычной тишины собственного тела.

Обычно по утрам его встречал стандартный набор офисного раба: хруст в шее, ноющая поясница, легкая головная боль от вчерашнего кофе и экзистенциальной тоски. Сегодня ничего этого не было. Он лежал на спине, глядя в потолок, и чувствовал себя собранным. Каждая мышца была в тонусе, словно он не спал восемь часов, а провел ночь в спортзале, таская штангу.

Он сел, откинув одеяло. Свет из окна падал мягкий, утренний. Часы показывали семь сорок пять.

Первым делом взгляд упал на грудь. Три тонких, белесых шрама, пересекающих ребра, никуда не исчезли. Они не болели, не были воспаленными, но выглядели чужеродно, как штрих-код. Артем провел пальцами по ним — кожа была гладкой, чуть более плотной, чем вокруг. Вчерашние раны, которые должны были гноиться и требовать визита в травмпункт, затянулись за ночь.

Он встал и пошел в ванную. В зеркале посмотрел на себя. Внешне почти ничего не изменилось, но взгляд стал другим. Тяжелее. Сосредоточеннее. В глубине зрачков теперь таилась та самая холодная, равнодушная тьма, которая пришла вместе с силой упыря.

Артем провел рукой по шее. Пальцы нащупали холодную, шершавую фалангу кости на черном шнурке. Амулет Мертвой Хвати. Он был ледяным, но этот холод прояснял мысли, отсекая лишние эмоции.

— Реальность, — хрипло произнес Артем. В горле першило.

Он взял зубную щетку и, сжав ее чуть сильнее, чем привык, услышал тихий треск пластика. Ручка лопнула пополам прямо в его руке. Артем замер, глядя на обломки в раковине. Он никогда не отличался физической мощью. Но сейчас, сжимая пластик, он чувствовал, что может сломать кисть неудачливого обидчика одним движением.

«Отлично, — с мрачным сарказмом подумал он. — Теперь мне придется покупать не только гречку, но и средства гигиены оптом. Сила — это, конечно, хорошо, но бюджет не резиновый».

Он выкинул сломанную щетку, взял новую и начал чистить зубы. Мысли были ясными, пугающе спокойными. Страх, который должен был накрыть его после вчерашней бойни на кухне, куда-то отступил. Осталась только холодная сосредоточенность и легкая, пульсирующая агрессия. Побочный эффект Пути Уничтожения. Ему вдруг стало совершенно всё равно на то, что он убил живое (пусть и мертвое) существо.

Позавтракать не получилось. Желудок сжимался при мысли о еде. Артем прошел на кухню, включил кофемашину и сел за стол.

Телефон на столе завибрировал. На экране: «Андрей (начальник)».

Он глубоко вздохнул и принял вызов.

— Артем, ты где? У нас планерка через двадцать минут, клиент из Новосибирска на ушах стоит, — голос Андрея был напряженным, как струна.

— Андрей, я не смогу сегодня, — Артем старался говорить ровно, хотя внутри него сейчас сидел холодный хищник, которому было плевать на новосибирских клиентов. — Температура под сорок, горло раздуло.

— Да ты что? — Андрей вздохнул. — Ладно, сиди дома, пей чай с лимоном. Я Петрова попрошу твой отчет посмотреть.

— Спасибо.

— Выздоровлявай. Если завтра лучше не будет, звони, скажешь, что на больничный. Ладно, я побежал.

Артем сбросил вызов. Долил кофе, открыл ноутбук. Нужно было проверить, что пишут в новостях. Как мир объясняет то, что мир трещит по швам.

На главной странице главного новостного портала красовался заголовок: «В Южном округе Москвы зафиксирована утечка бытового газа. МЧС оперативно ликвидировало последствия».

Текст был стандартным, отточенным годами бюрократии: «Около трех часов ночи в районе Марьино произошла утечка... повлекшая за собой локальное возгорание мусорных контейнеров. Пострадавших нет».

Артем усмехнулся. Утечка газа, которая пахнет гниющей плотью. Возгорание контейнеров, после которого остается лишь кучка черного праха вместо дворника. Логично. Мосгаз теперь отвечает и за некромантию.

Открыл другой портал. Там тоже было про аварию, но в другом районе: «В Лефортово произошел крупный прорыв водопровода. Без водоснабжения остались несколько жилых домов».

Официальная версия была везде одинаковой: аварии, ЧП, утечки. Мир продолжал жить своей обычной жизнью, и любые странности списывались на технический фактор. Люди готовы поверить во что угодно, лишь бы не признавать, что под их кроватями живет зло.

Он перешел в Telegram. Открыл чат своего района и вбил в поиск: «ночь», «туман», «дворник».

Выдало три сообщения. Два были удалены модераторами. Третье осталось.

Женщина по имени Ольга писала: «Кто-нибудь видел, что было во дворе ночью? Мой муж не вернулся с ночной смены. Полиция ничего не говорит».

К сообщению было прикреплено размытое фото с камеры видеонаблюдения. В зернистом черно-белом свете была видна фигура с неестественно длинными руками, склонившаяся над чем-то на асфальте. Силуэт был узнаваем.

Это не единичный случай.

Он открыл чат соседнего района, Кузьминки. Там тоже были сообщения про «черный туман» и «пропажу людей». Перешел на форумы. В тех темах, что не закрыли, люди описывали похожие вещи. Один пост привлек его внимание: «Видел ночью черную дымку. Она ползла по стене дома. У меня кот третий день не ест, шипит на углы».

Артем вспомнил свой двор. Дымку, которая стелилась по земле и просачивалась через щели.

Он открыл мировые новости. В Токио — «массовые суициды из-за стресса». В Египте — «закрыта зона раскопок из-за оползня». В Норвегии — «пропала группа туристов». В Лондоне — «вспышка неизвестного заболевания, вызывающего галлюцинации».

Каждый случай объяснялся по-своему. Но Артем видел паттерн. Точечные инциденты в разных частях мира. Все — ночью. Все — со странными деталями, которые не вписывались в официальные версии.

Мир еще не рухнул. Правительства работали, по телевизору показывали погоду. Но фундамент уже дал трещину. И как логист, Артем знал: если цепочка поставок нарушена в одном месте, коллапс всей системы — это лишь вопрос времени.

Он посмотрел на часы. Девять утра. Если начнется паника, магазины опустеют за несколько часов. Система «just-in-time» (точно в срок), на которой держалась вся современная торговля, не рассчитана на апокалипсис. Дефицит наступит быстро.

Артем встал и пошел к шкафу в коридоре.

Он достал лист бумаги и ручку. Он привык работать со списками. Паника — это просто нерешенная логистическая задача.

Вода: 5 литров. Еда: Консервы, крупы, соль, сахар, шоколад. Аптечка: Бинты, антисептик, обезболивающее, уголь. Инструменты: Фонарь, мультитул.

Этого должно хватить на неделю. Больше не унести.

Артем оделся плотно: джинсы, футболка с длинным рукавом, старая куртка из плотного хлопка. В правый внутренний карман положил тяжелый поварской нож, обернув лезвие плотной газетой. Оружие так себе, но в условиях городского выживания сойдет.

Он вышел в коридор. Воздух в подъезде казался тяжелее. Спускаясь, он замедлил шаг на третьем этаже. Дверь Марии Ивановны была закрыта, но на коврике перед ней лежала маленькая кучка земли. Артем нахмурился, но трогать не стал. Земля в подъезде — это плохая примета.

Вышел на улицу. Солнце светило ярко, день был в самом разгаре. Двор жил обычной жизнью. Но Артем замечал детали. Люди говорили тише, чаще оглядывались. Собака у подъезда рычала на пустые углы. Воробьи на проводах сидели неподвижно, словно ждали команды.

У соседнего дома стояла полицейская машина. Двое сотрудников спорили внутри. Артем замедлил шаг и, благодаря своему новому, обостренному слуху, уловил обрывок:

— ...говорят, в Текстильщиках еще один случай... — ...какой еще случай? У нас тут утечка газа... — ...да не газ это, ты сам видел отчет, там зубы на асфальте... — ...заткнись, не здесь...

Полицейские заметили его и замолчали. Артем прошел дальше, делая вид, что он просто глухой и равнодушный обыватель.

В «Пятерочке» было душно. Полки с водой уже заметно опустели. Артем взял тележку и начал методично наполнять её. Рис, гречка, тушенка, сгущенка. И три пачки крупной каменной соли. Соль — это не только консервант. Видение с предком четко дало понять: соль для нечисти как кислота.

Рядом с полкой с консервами разгорался конфликт. Крупный мужчина в кожаной куртке схватил последнюю коробку дорогой тушенки. Молодой парень возмущенно дернул его за рукав:

— Эй, мужик, тут очередь была! Я эту коробку взял! — А теперь я взял, — рыкнул мужчина. — Иди, ищи другую. — Ты охуел?! — парень полез в карман.

Вокруг начали собираться люди. Кто-то снимал на телефон, но никто не вмешивался. В глазах, стоявших рядом Артем видел не возмущение, а холодный расчет: а вдруг мне достанется?

Вот она, настоящая пирамида Маслоу. Сначала выживание, потом каннибализм. Монстры и черная дымка были только верхушкой айсберга. Настоящая угроза была здесь, среди этих людей, готовых перегрызть друг другу глотки за банку говядины в собственном соку.

Артем молча повернул тележку и поехал к кассам.

Он расплатился, сложил продукты в два пакета и рюкзак. Вышел на улицу. Солнце светило ярко, но небо казалось каким-то блеклым, выцветшим, как старая фотография. Пакеты казались удивительно легкими. Его новые мышцы даже не напрягались.

Поднимаясь по лестнице к своей квартире, Артем услышал тихий, но отчетливый звук.

С верхнего этажа, из квартиры коллекционера древностей, доносился низкий, ритмичный стук. Будто кто-то большой бился головой о стену. Раз за разом.

Артем остановился на площадке, медленно опустил пакеты и тихо вытащил из кармана обернутый газетой нож.

Артем бесшумно поднялся на шестой этаж. Шаги были легкими, упругими.

Стук доносился из квартиры 64. Здесь жил Виктор Палыч, местный чудаковатый коллекционер и, по совместительству, черный археолог. Соседи считали его безобидным стариком, который таскает в квартиру странные камни.

Сейчас из-за двери доносился глухой гул. Бам. Бам. Кто-то с силой бился о стену.

Артем осторожно подошел к двери. Она была приоткрыта на пару сантиметров. Из щели тянуло сквозняком и странным запахом. Не гнилью, как от упыря, а чем-то пыльным, затхлым, с примесью резкого запаха меди. Крови.

Артем толкнул дверь. Петли скрипнули. Он шагнул внутрь.

Прихожая была завалена коробками. В глубине коридора сидел Виктор Палыч. Он спиной прижимал к полу тяжелое деревянное кресло, уперев его ножками в дверь ванной. Старик был бледен, его жилет порван, а на плече темнело мокрое пятно.

Бам. Кресло слегка сдвигалось.

— Виктор Палыч? — тихо произнес Артем.

Старик дернулся. — Уходи! — хрипло прошипел он. — Закрой входную дверь! Быстро!

Артем не стал спорить. Он отступил назад, притянул входную дверь и щелкнул замком. Вернулся в коридор. Виктор впился взглядом в дверь ванной.

— Что там? — спросил Артем, не опуская нож.

— Идол, — выдохнул Виктор. Голос его срывался. — Тот самый. Из уральской партии. Диггеры нашли в заброшенном руднике, рядом с Нижним Тагилом... продали мне за бесценок. Я хотел перепродать его в Лондоне. За хорошие деньги.

Бам. Дверь ванной треснула. Из щели повалил густой, черный дым.

— Я не спрашивал, откуда он, — бормотал Виктор, и по его щеке покатилась слеза, смешиваясь с грязью. — Деньги были грязные. Кровные. Те, кто его нашел, убили друг друга за долю... а я заплатил им, чтобы они замолчали. Мы все копаемся в грязи. Ради золота... мы продаем друг друга.

Артем нахмурился. Мысли были ясными, холодными. Старик говорил о том, о чем Артем думал в магазине. Грехи. Жадность. Кровь.

— Они питаются этим, — прошептал Виктор. — Мы думали, это сказки. Но это не они пришли к нам. Это мы их позвали. Наша грязь... она стала для них дверью.

КРАК.

Петли двери ванной не выдержали. Дверь вылетела из проема, сбив кресло. Виктор закричал и откатился в сторону.

Из темноты ванной вышло нечто.

Это не было похоже на упыря. Существо было маленьким, не выше полуметра, но невероятно широким в плечах. Оно было соткано из теней, грязных тряпок и острых костей. У него не было лица — только широкая прорезь рта, усеянная мелкими зубами, и длинные руки с крючковатыми пальцами.

И в этот момент виски Артема снова сдавило тисками.

Боль была такой резкой, что он чуть не выронил нож. Мир перед глазами поплыл, и на секунду он увидел не квартиру коллекционера, а темную, копченую избу. На лавке сидел мужик и пересчитывал медные монеты, а в углу, под потолком, скапливалась черная, жирная копоть. Женщина в платке, его прабабка или кто-то еще древнее, швырнула в угол горсть крупной соли и ударила по полу веником из полыни: «Ни порога, ни угла тебе, лихо! Возвращайся в то, что тебя приютило!» Копоть завизжала и втянулась в глиняный горшок.

Видение схлынуло, оставив после себя металлический привкус во рту и абсолютное знание.

Злыдень. Дух мелкого зла, жадности и зависти. Железо его не берет — клинок скользнет по теням. Его нужно выгнать солью и привязать к вещи, в которой он сидит.

Существо медленно повернуло "голову" в сторону Виктора. Оно почуяло его страх и жадность, которая все еще сочилась из старика.

Злыдень издал звук, похожий на скрежет монет, и прыгнул.

Артем не стал бить ножом. Он отшвырнул его в сторону, рванул к своим пакетам, которые оставил в коридоре, и одним движением разорвал пачку каменной соли.

Когда тварь была в полуметре от горла Виктора, Артем шагнул вперед и швырнул пригоршню соли прямо в её безликую морду.

Соль ударила Злыдня, как кислота. Существо взвизгнуло — высоким, пронзительным звуком, от которого заложило уши. Его тело начало дымиться, темная плоть пузырилась и таяла в местах, где коснулась соли.

Злыдень отшатнулся, его костлявые руки схватились за "лицо", пытаясь стереть соль. Но кристаллы въедались в плоть, шипели, прожигая дыры.

Артем не стал медлить. Он бросился к стене прихожей, где висело что-то длинное, обернутое тканью. Сорвал тряпку — внутри оказался старый кинжал в потускневших ножнах. Лезвие было из темного металла, с грубой гравировкой. Не музейный экспонат — настоящий, боевой.

Железо.

Он выхватил кинжал из ножен и бросился к Злыдню, который все еще корчился от соли. Нож опустился с глухим хрустом, вонзаясь в спину существа...

Глава 4: Чистильщик

Лезвие из темного металла вошло в спину Злыдня с глухим хрустом, пробивая спрессованную пыль и паутину. Но вместо крови из раны хлынула черная, вязкая субстанция, похожая на расплавленную смолу. Существо издало пронзительный визг — звук был таким высоким и противным, что у Артема заложило уши, а пломбы в зубах заныли.

Рукоять кинжала в его руке стала ледяной. Не приятный холодок амулета на шее, а мертвенный, пронизывающий до костей мороз, который пытался пробраться по венам к самому сердцу.

Артем стиснул зубы, не выпуская оружие. Злыдень дернулся, его костлявое тело изогнулось неестественной дугой, и он медленно повернул "голову". У него не было глаз, но Артем физически ощутил на себе тяжелый, давящий взгляд, полный древней злобы и жадности.

И в этот момент его накрыло.

Виски сдавило тисками. Перед глазами замелькали образы — чужие, не его воспоминания. Темная, копченая изба. В углу, за печкой, копошится что-то маленькое и злое, шуршит монетами. Женский голос, старый, дрожащий, но твердый: *«Злыдни завелись, хозяин. От жадности твоей пришли. Не выметай сор из избы — они в нем живут. Свету боятся, железа боятся, а больше всего — когда их не боятся. Страх им — как молоко матери».*

Образы схлынули так же внезапно, как появились, оставив во рту привкус меди и абсолютное, кристальное знание.

Злыдни. Духи злого рока и неудачи. Питаются страхом и алчностью. Боятся яркого света, железа и бесстрашия. Чем больше их боятся, тем сильнее они становятся.

«Отлично, — с мрачным сарказмом подумал Артем, чувствуя, как амулет на шее пульсирует, отсекая панику. — Значит, мне нужно перестать бояться существа, которое только что попыталось перегрызть мне горло. Легко сказать. Попробуй объясни это своей нервной системе».

Злыдень рванулся вперед с неестественной силой. Железо жгло его, и тварь предпочла отступить. Оно не бежало — оно скользило по полу, словно тень, отделившаяся от хозяина, и через секунду скрылось в густом сумраке коридора, ведущего вглубь квартиры.

Артем медленно опустил кинжал. Квартира погрузилась в полумрак. Солнечный свет из окон прихожей не пробивался дальше коридора — будто сама темнота здесь стала гуще, плотнее, обрета физический вес.

— Виктор, — бросил Артем, не сводя глаз с темноты. — Как его выгнать?

Старик лежал на полу, держась за раненое плечо. Его лицо было белым как мел. — Свет... — хрипло прошептал он. — Они боятся света... и когда их не боятся...

В этот момент из темноты коридора вылетела тень. Не сам Злыдень — его тень. Она метнулась к Виктору, обвила его ногу, и старик закричал от боли, его кожа начала стремительно синеть.

Артем инстинктивно шагнул вперед, но тут же замер. Ловушка. Злыдень ждал, когда он повернется спиной и бросится на помощь, чтобы ударить в затылок.

Он питается страхом, — всплыло в голове. И моими эмоциями. Если я начну паниковать за старика, тварь станет только сильнее.

Артем закрыл глаза на секунду, делая глубокий вдох. Он представил, как страх уходит, оставляя только холодную, логистическую ясность. Виктор — это сейчас просто объект в зоне поражения. Задача — ликвидировать угрозу.

Когда он открыл глаза, тень на ноге старика начала таять, теряя плотность.

Но тут же из темноты коридора выскочил сам Злыдень. Настоящий. Он прыгнул на Артема, его костлявые руки с крючковатыми пальцами потянулись к лицу. Вблизи Артем раз-

глядел его детальнее: кожа существа была спрессованной пылью и паутиной, натянутой на каркас из мелких костей. В прорези рта шевелился длинный, тонкий язык, черный и раздвоенный, как у змеи. От него пахло старыми медяками и затхлым подвалом.

Артем успел выставить предплечье. Когти Злыдня впились в плотную ткань куртки, царапая кожу. Боль была острой, жгучей. Артем не закричал. Он ударил Злыдня коленом в грудь, отбрасывая его назад, и одновременно рубанул кинжалом.

Лезвие из темного металла вошло в плечо существа с шипением, как раскаленная кочерга в снег. Злыдень взвизгнул и отлетел в сторону, врезаясь в стену. Из раны повалил черный дым.

Железо. Работает.

Существо начало подниматься, его тело изгибалось, кости хрустели. Но оно уже не выглядело таким уверенным. Его движения стали дергаными, нервными. Оно пятилось к темному коридору, к теням, и, издав звук, похожий на скрежет монет, растворилось в тени стены. Просто исчез, как будто его никогда не было.

Квартира погрузилась в тишину.

Артем медленно опустил кинжал. Его сердце колотилось ровно, без сбоя. Страх отступил. Осталась только холодная злость и легкое, пульсирующее раздражение от того, что его выходной окончательно испорчен.

Он подошел к Виктору, помог сесть. Старик был серым, его дыхание было поверхностным. — Как ты?

— Живой... пока, — хрипло ответил Виктор. — Но он вернется. Они всегда возвращаются. Пока якорь на месте.

Артем нахмурился. — Якорь?

— Идол, — Виктор кивнул в сторону ванной. — Тот, что я купил у дигтеров. Пока он здесь, Злыдень будет возвращаться. С каждым разом сильнее. Он уже тянет из него силы.

Артем посмотрел на разбитую дверь ванной. Из темноты коридора тянуло затхлым запахом. — Значит, нужно уничтожить идола.

— Не так просто, — Виктор слабо покачал головой. — Он утащил его в свой угол. В самую густую тень. В кабинете.

Артем посмотрел на свои руки. На куртке виднелись три глубокие царапины, кожа под ними горела. Но края ран уже начинали затягиваться тонкой серой коростой. Регенерация от Пути Уничтожения работала безотказно, забирая часть жизненных сил в обмен на мгновенное исцеление.

— Тогда я достану его из тени, — сказал Артем. — У тебя есть фонарь? Мощный?

— В кухне... ящик под раковиной...

Артем кивнул и быстро двинулся к кухне. Он прошел мимо разбитой двери ванной, стараясь не смотреть внутрь. На кухне нашел ящик, схватил тяжелый тактический фонарь, проверил — работал. Луч был мощным, белым, прорезал полумрак, как нож масло.

Логика проста, — думал Артем, возвращаясь в коридор. Свет убирает тени, лишая его маневренности. Железо обжигает плоть. Бесстрашие лишает его питания. Три фактора. Нужно применить их одновременно.

Он включил фонарь и направился в коридор. Луч света выхватил из темноты стены, увешанные старыми фотографиями, двери в комнаты, пол с потёртым паркетом. Артем шел медленно. Кинжал в левой руке, фонарь в правой.

Первая комната — спальня. Пусто. Вторая комната — кабинет.

Артем шагнул внутрь и остановился.

Злыдень стоял в центре комнаты, у массивного дубового стола. Но это был уже не тот маленький, полуметровый зверек, что напал на них в прихожей. Теперь он был больше — почти метр в высоту, его тело стало плотнее, костлявее. Тени обвивали его, как плащ.

В его костлявых лапах он прижимал к груди небольшой, черный идол, покрытый рунами. Тот самый якорь. И пока тварь касалась его, она продолжала расти, жадно впитывая темную энергию.

— Ты пришел... за ним... — прошептал Злыдень. Голос звучал отовсюду — из стен, из пола, из потолка. — Но он мой... Теперь он мой...

Артем сжал кинжал. Его сердце бился ровно. Амулет на шее охлаждал грудь, не давая пробиться ни капли сомнения.

— Нет, — спокойно сказал Артем. — Это не твое. Это неликвид. И я пришел его списать.

Он поднял фонарь и направил луч прямо на Злыдня.

Существо взвизгнуло. Свет ударил в него, как физическая сила. Тени, обвивавшие его тело, начали таять, испаряться с тихим шипением. Злыдень отшатнулся, закрывая "лицо" лапами, но идола не отпускал. Жадность была сильнее инстинкта самосохранения.

— Нет! — хрипел Злыдень. — Не забирай! Это мое!

Он бросился на Артема, но теперь двигался медленно, увязая в свете фонаря. Артем отступил на шаг, направляя луч на существо, и одновременно замахнулся кинжалом.

Лезвие из темного металла вошло в плечо Злыдня. Существо завывало, его тело начало дымиться. Но оно не отпускало идола. Вцепилось в него обеими лапами, прижимая к себе, как ребенок прижимает последнюю игрушку. Его красные точки в пустых глазницах горели безумной алчностью.

Он не может отпустить, — понял Артем. *Идол — его суть. Если он отпустит, он потеряет силу.*

Артем опустил фонарь, шагнул вперед и свободной рукой схватил Злыдня за горло. Кожа существа была холодной, липкой, как мокрая паутина.

— Отпусти, — сказал Артем. Голос его был ровным, спокойным. Без страха. Без гнева. Просто констатация факта.

Злыдень посмотрел на него. В его красных глазах мелькнуло понимание. Он знал, что проиграл. Но жадность не позволяла разжать пальцы.

Артем сжал руку сильнее. Он чувствовал, как под его пальцами тает темная плоть, как кости становятся хрупкими, ломкими. Злыдень издал последний, хриплый звук — не крик, а вздох разочарования.

И рассыпался.

Тело существа превратилось в черный прах, который медленно осел на паркет. Идол выпал из его лап и покатился по полу, останавливаясь у ног Артема.

Артем отпустил руку. Его пальцы были покрыты черной пылью. Он посмотрел на идола. Небольшая статуэтка, вырезанная из черного камня. От нее веяло холодом и тяжелым, давящим чувством.

Из праха, оставшегося от Злыдня, начал подниматься свет. Тусклый, болезненно-бледный сгусток, плотный, как ртуть. Он медленно вращался, пульсируя в такт сердцебиению Артема.

Артем протянул руку. Пальцы прошли сквозь сгусток, и в тот же миг его накрыло.

Виски сжало. Но теперь это были не чужие воспоминания. Это было знание, вплетенное в саму его суть, как нить в ткань. Он увидел мир слоями. Не просто предметы и людей, а то, что скрывается за ними.

Зрение истинное.

Образы схлынули. Артем стоял, сжимая пустую ладонь, и чувствовал, как что-то изменилось в его восприятии. Будто он всю жизнь смотрел на мир через грязное стекло, а теперь его протерли.

Он посмотрел на Виктора, который сидел в дверях кабинета. И увидел.

Не просто старика. От Виктора тянулись тонкие, почти невидимые нити — темные, грязные, как паутина, покрытая пылью. Они тянулись к коробкам с антиквариатом, к книгам на полках, к вещам, пропитанным чужими грехами и жадностью. Это были нити привязанности. Цепочки поставок темной энергии.

Он моргнул, и видение исчезло. Виктор снова был просто стариком.

— Что это было? — спросил Артем, опуская руку.

Виктор посмотрел на него внимательно. — Они всегда оставляют что-то. Часть того, чем питались. Злыдень питался жадностью... и умением видеть скрытое. Теперь это твое. Ты получил Истинное зрение, Артем.

Артем кивнул, переваривая информацию. Способность видеть якоря и нити. Для логиста это был идеальный инструмент. Он видел саму структуру проблемы.

— Расскажи мне, — сказал он, садясь на край стола. — Что происходит? Почему сейчас?

Виктор тяжело вздохнул. — Мир не рухнул, Артем. Он... треснул. Трещины были всегда. Каждый грех, каждая подлость, каждое предательство — всё это создает микротрещины в реальности. Грехи — это не абстракция. Это тяжелая, темная энергия. Тысячелетиями человечество копило её. И вот теперь... трещин стало слишком много. Они начали соединяться. И через них просачивается то, что всегда было по ту сторону. Мифы. Зеркала наших грехов.

Он кивнул на стену, где висела большая карта Москвы, покрытая красными точками. — Якоря — это точки, где трещины тоньше всего. Предметы, места, люди, пропитанные грехом. Они притягивают мифов, как магнит. Уничтожь якорь — и трещина закроется.

Артем смотрел на карту. Его разум автоматически начал анализировать. Кластеры точек. Связи между ними. Паттерны. Это была не хаотичная вспышка. Это была система.

— Почему я? — спросил он. — Почему я вижу их?

— В старых записях упоминались роды, — Виктор поморщился от боли. — Линии крови. Те, в чьих жилах течет кровь древних хранителей. Они приходили, когда мир трещал по швам. Возможно, ты один из них. А возможно... ты просто тот, кто оказался в нужном месте.

Артем посмотрел на свои руки. На шрамы, которые уже почти исчезли. На кинжал. — Я не охотник, — сказал он. — Я логист. Я занимаюсь поставками.

Виктор усмехнулся, и от этого смеха у него начался кашель. — А теперь ты занимаешься поставками смерти для тех, кто не должен был сюда прийти. Разница невелика. Маржа, правда, хреновая.

Артем невольно усмехнулся в ответ. Старик был прав. Логистика есть логистика. Просто товар изменился.

— Что с ним делать? — Артем кивнул на идола, лежащий на полу. — Просто оставить?

— Уничтожить, — Виктор покачал головой. — Но не молотком. Если в нем осталась "сердцевина" — концентрация энергии греха, — он восстановится. Нужно найти сердцевину и уничтожить её тем, что противоположно природе греха. Жадность уничтожают железом. Оно холодно, беспристрастно, не знает алчности. Оно "отсекает" привязанности.

Артем посмотрел на кинжал в своей руке. Темный металл. Железо.

— А как найти сердцевину?

— Используй то, что получил от Злыдня.

Артем кивнул. Он закрыл глаза на секунду, сосредотачиваясь, а потом открыл их, позволяя Истинному зрению наложиться на реальность.

Мир изменился. Идол перестал быть просто камнем. Он увидел его как сгусток темной, вязкой энергии. Внутри пульсировали грязные нити, тянущиеся к вещам в квартире. Но в центре, в самом ядре идола, Артем увидел точку. Небольшую, размером с горошину, но невероятно яркую. Она пульсировала, как сердце, и от неё расходились все нити. Дефект в структуре. Сердцевина.

— Вижу, — сказал Артем.

Он поднял кинжал. Сосредоточился на пульсирующей горошине и ударил.

Кинжал вошел в камень с тихим хрустом, как будто лезвие разрезало что-то живое, плотское. Из раны хлынула густая, черная субстанция, холодная, как лед. Идол в руке Артема начал дрожать. Руны на его поверхности засветились тусклым, красноватым светом, а потом начали гаснуть, одна за другой.

Артем сжал руку сильнее, вгоняя кинжал глубже, пока лезвие не достигло сердцевины.

Точка в центре идола вспыхнула — ярко, ослепительно, как магниевая вспышка. Артем зажмурился.

А потом всё стихло.

Он открыл глаза. Идола в его руке больше не было. Остался только кинжал, а на полу — небольшая кучка серой пыли.

Артем посмотрел вокруг. Нити, которые тянулись от идола к вещам, исчезли. Воздух в комнате стал чище, легче. Давление, которое он не замечал до этого, испарилось.

— Ты сделал это, — хрипло сказал Виктор. — Якорь уничтожен. Трещина закроется.

Артем вытер кинжал о штанину и убрал его в ножны. Он чувствовал облегчение. Но вместе с ним пришло и то самое холодное равнодушие, побочный эффект Пути Уничтожения. Ему было совершенно всё равно на то, что он только что уничтожил древнюю сущность. Это была просто закрытая задача.

В этот момент его телефон завибрировал.

Артем достал его из кармана. На экране было сообщение. Номер скрыт.

Текст был коротким: *"Ты убил злыдня. Хорошо. Но ты не знаешь, что сделал. Якорь был не один. Второй — в метро. На станции Автозаводская. Сегодня в полночь. Если не уничтожишь... откроется трещина, которую ты не закроешь."*

Артем посмотрел на часы.

Было шестнадцать сорок.

До полуночи оставалось чуть больше семи часов. Семь часов на то, чтобы подготовиться к спуску в ад.

Интерлюдия: Тень над миром

Вашингтон, США. Пентагон. 10:30.

Генерал Джеймс Митчелл не спал уже трое суток. Кофе в его кружке давно превратился в холодную, горькую жижу, но он продолжал пить её, как лекарство. Карта мира на главном экране пульсировала красными точками, как тело, покрытое оспой.

— Повторите, доктор Арчер, — сказал он, потирая виски. — И пожалуйста, без квантовой хрени. Мои генералы и так плохо спят.

Доктор Элизабет Арчер, бывший профессор МТИ, поправила очки. Её лабораторный халат был помят, под глазами залегли тени.

— Реальность трескается, генерал. Через трещины проникают существа из фольклора. У нас в Штатах — вендиго в Мичигане, скинвалкеры в Аризоне, мотман в Западной Вирджинии.

— Все их видят? Или это массовая галлюцинация от плохой водопроводной воды?

— Все видят. Они материальны. Оставляют следы, трупы, запах. Камеры фиксируют. Это не галлюцинация.

— Отлично, — Митчелл отпил холодный кофе и поморщился. — Что делаем?

Директор ЦРУ Элизабет Уоррен открыла папку. Её костюм был безупречен, но в глазах читалась усталость.

— Сорок семь погибших за сутки. Создали боевые группы. Тяжёлое вооружение, тактические команды.

— И?

— Не работает, — Арчер перебила, её голос был резким. — Они регенерируют. Боец всадит весь магазин в вендиго — оно падает, а через минуту встаёт и жрёт этого бойца. Взрывчатка помогает временно, но они собираются обратно, как конструктор Лего из ада.

Она достала планшет и протянула генералу.

— Но есть кое-что интересное. Наши датчики фиксируют энергетические всплески. Когда существо уничтожено полностью — в прах — происходит выброс. За сутки зафиксировали несколько таких всплесков, не связанных с нашими группами.

— Кто это сделал?

— Обычные люди. Гражданские. Но единицы справляются. Как будто у них есть что-то, чего нет у остальных. Инстинкт. Или безумие.

— Где?

— Всплески в Европе, Азии. Деталей не знаем. В США — сорок семь человек выжили и победили.

Уоррен протянула другую папку.

— Фермер из Огайо убил вендиго стальными вилами. Женщина в Техасе — чугунной сковородкой. Когда её спросили, почему именно сковородка, она сказала: "Бабушка говорила — железо отгоняет зло. А у меня под рукой только это было".

Митчелл взял папку, пролистал. Фотографии обычных людей с обычными лицами.

— Найдите их всех. Если они убивают вилами и сковородками — они ценнее всего моего спецназа вместе взятого.

— Уже ищем, — Уоррен кивнула. — Но их мало. Очень мало.

— И свяжитесь с другими странами. Если они знают что-то — мы должны знать. Дипломатия подождет. Сейчас не время для протоколов.

Митчелл посмотрел на карту. Красные точки продолжали появляться, как сыпь на теле умирающего мира.

— И молитесь, чтобы мы не опоздали. Хотя, честно говоря, я уже не уверен, что молитвы работают.

Афины, Греция. Штаб-квартира вооружённых сил. 14:20.

Генерал Константинос Георгадис смотрел на планшет, морщась от качества видео. Изображение дрожало, размывалось, но было достаточно четким, чтобы увидеть главное.

Молодой мужчина в грязной рабочей одежде. В руке — тяжёлый гаечный ключ. Перед ним — чёрный прах, медленно оседающий на землю.

— Вчера вечером, — сказал полковник Николау, стоящий рядом. — Деревня на Пелопоннесе. Местный механик убил ламию. Одним ударом. Не регенерировала. Просто рассыпалась.

— Гаечным ключом? — Георгадис поднял бровь. — Серьёзно?

— Стальным. На тридцать два. Схватил первый, что попался под руку, когда существо напало на его сестру. Парню двадцать три года, он чинит тракторы. Никакой военной подготовки.

Георгадис посмотрел на карту. Тридцать восемь погибших за сутки. Его солдаты гибли, а какой-то механик выжил.

— Сколько таких?

— Двое. Механик и женщина на Крите, работает в таверне. Оба убили по ламии. Оба выжили. Оба использовали сталь.

— Обычные люди?

— Абсолютно. Никакой подготовки. Но они могут убивать. Наши солдаты с автоматами — нет.

Георгадис молчал. Смотрел на видео, на парня с ключом, на чёрный прах. Что-то в этом было неправильным. Нелогичным.

— Найдите их. Привезите в Афины. Если они убивают ламий гаечными ключами — может, они научат и нас.

— Уже ищем, сэр.

Георгадис кивнул, откладывая планшет. Красные точки продолжали появляться.

— И найдите остальных. Нам нужны все, кто может. Даже если они используют сковородки и вилы. Особенно если используют сковородки и вилы.

Токио, Япония. Штаб-квартира корпорации "Мицубиси". 22:30.

Директор Танака стоял перед стеной мониторов, его лицо было неподвижным, как маска. Данные с датчиков по всей Японии текли непрерывным потоком.

— Статистика, — сказал он, не оборачиваясь.

Агент Сато открыла планшет, её пальцы двигались быстро и точно.

— Сто двадцать три инцидента. Пятьдесят восемь погибших. Юрэй в Токио, они в горах, нурэ-онна у побережья. Все материальны. Все опасны.

— Эффективность подразделений безопасности?

— Нулевая, сэр. Огнестрел не работает. Электрошокеры — нет. Взрывчатка — временный эффект. Они регенерируют.

— Альтернативы?

— Нашли три случая полного уничтожения. В прах.

— Кто?

— Гражданские. Мужчина в Осаке — прачечник. Женщина в Киото — учительница начальных классов. Подросток в Иокогаме — школьник.

— Оружие?

— Мужчина — металлическим утюгом. Женщина — деревянной битой, освящённой в храме. Подросток — стальной линейкой.

Танака повернулся, его лицо всё так же не выражало эмоций, но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Что их объединяет?

— Не знаем. Разный возраст, пол, профессии. Но все уничтожили полностью. Все выжили. Все использовали металл или освящённое дерево.

— Найдите их. Учёные должны понять, что они делают иначе. Может, это генетика. Может, обучение. Может, удача.

— Уже ищем, сэр.

Танака посмотрел на мониторы, на карту Японии, покрытую красными точками.

— И увеличьте производство дронов-сенсоров. Если не можем убивать — будем хотя бы отслеживать. Знание — это тоже оружие.

— Да, сэр.

Танака кивнул и вышел из комнаты. За окном был Токио. Город, который никогда не спал. Город, который теперь никогда не будет в безопасности.

Но Танака не верил в безопасность. Он верил в данные. А данные говорили, что мир изменился. И им придётся меняться вместе с ним.

Москва, Россия. Старая квартира на Арбате. 20:15.

Профессор Игорь Маркович Лебедев сидел в кресле у окна, укутавшись в вязаный плед. Квартира была завалена книгами — на полу, на столах, на подоконниках. На стенах висели иконы, старые фотографии, карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.